

-•- ПРИХОД -•-

Приход. Православная газета

Коллектив авторов

**Приход № 14 (январь
2015) Рождество**

«Грозовский М. В.»

2015

Коллектив авторов

Приход № 14 (январь 2015) Рождество / Коллектив авторов —
«Грозовский М. В.», 2015 — (Приход. Православная газета)

Это самый необычный рождественский номер, который вы только могли себе представить! Его составитель философ Максим Горюнов. Ну и нагородил он лес! Помогали в этом ему Массимо Монтанари, Питирим Сорокин, Николай Лесков, Стивен Пинкер, Дуглас Норт и Мишель Фуко. Православная газета «Приход» не похожа на все, что вы читали раньше, ее задача удивлять и будоражить дух. Поднимаемые в ней вопросы призваны поддержать здоровую дискуссию вокруг важнейших вопросов жизни Церкви, а не заклеить и растоптать. Газета будет интересна как делающим первые шаги в Церкви или уже крепким прихожанам, так и людям, у которых Бог в душе. Среди постоянных рубрик «Прихода» – «Мнения», «Новый Завет», «Миссионерская школа» и «Культура».

© Коллектив авторов, 2015

© Грозовский М. В., 2015

Содержание

Навигатор	5
Мнения	6
Вызов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Приход № 14 (январь 2015) Рождество

Навигатор

Очень необычный номер. Его составитель философ Максим Горюнов. Я давно хотел предложить ему сотрудничество, а получилось, что он сам предложил идею этого выпуска.

О чем номер, читайте в программной статье Максима. А в подтверждение – тексты и исследования Массимо Монтанари, Питирима Сорокина, Николая Лескова, Стивена Пинкера, Дугласа Норта, Мишеля Фуко.

Необычного вам Рождества!

Мнения

ВЫЗОВ

*Хорошо ли православным в двадцать первом веке?
Максим Горюнов*

У православных есть одна длинная заунывная песня, которую они механически исполняют, как только ты их спросишь, хорошо ли им живется в мегаполисах в двадцать первом веке.

– Нет, нет, нет – скажут они тебе, не раздумывая – хуже, чем сейчас времени нет. Православие вот-вот исчезнет, всюду рыщет дьявол, ища кого бы ему проглотить. Вот раньше было значительно лучше. Особенно при царях. Тогда да – в каждой обители святые старцы, за каждым облаком порхали шестикрылые серафимы, над землей стелился сусальный домострой и всеобщее благорастворение воздушных. В старые времена спасти свою душу от вечного огня не стоило ровным счетом ничего. Только перекрестился, и уже в раю. А нынче – не то. Мир полон соблазнов, нарушились границы, и мы падаем, падаем, падаем, закрыв глаза, напрямик в преисподнюю. Православным сейчас одна дорога – продать квартиру в городе, купить или построить бревенчатый дом где-нибудь в медвежьем углу Псковской области, где ни электричества, ни дорог. И молиться, молиться, молиться, стоя на коленях на холодном земляном полу. В городах духа нет и в двадцать первом веке его тоже нет. Спасения ради, нужно возвращаться в прошлое, искусственно погружать себя в реалии шестнадцатого века и этим спасаться.

Сколько бы вы ни убеждали их, ни показывали на пальцах, как ужасен был мир прошлого, как мало места в нем для нагорной проповеди, люди почти никогда не отказываются от своего видения. Наука и фабрики принесли им только зло, только грех.

Интересно, какими бы христианами они были во время голодовок, которые случались, каждые три года? Как бы они, выросшие в сытости и тепле, повели себя на третий день жевания вареной крапивы? Помнили бы о Христе? О заповедях? О чувстве собственного достоинства? Нет.

Практика показывает, что страх за свою жизнь, страх за жизнь близких, гнетущее давление голода на психику, вид трупов и все те ужасы, которыми обязательно сопровождаются бедствия, сделал бы их беспринципными и циничными. Такова уж человеческая природа.

Чем меньше еды, питья, одежды, тем чаще совершаются насилия и тем грубее, злее люди. Лишения угнетают в человеке дух. Антропологи пишут, что голодный человек ближе к полемому зверю, чем к обожженному телу святых старцев. И чем дольше поколений продолжалось недоедание на грани голода, тем дальше отходят люди от самих себя во мрак дикости.

Прекраснодушные, способность иногда забывать о себе ради блага ближнего, чуткость к заповедям блаженства, поэтическое и мистическое вдохновения расцветают в безопасном и сытом мире. В мире, где гарантирован завтрашний день, и где не нужно ежечасно упражнять свой ум и свою душу в жестокости, чтобы не оказаться застигнутым врасплох.

И в этом нашем утверждении нет никакого цинизма.

Наоборот, цинизмом является противоположная точка зрения, ждущая от голодного, затравленного и смертельно напуганного, сохранения верности заповедям. Сначала дай хлеб и тепло, и только потом начинай разговор. Беседовать о высоком, требовать молитвенного настроения, требовать соблюдения заповеди от того, чей разум помрачен нуждами тела – это садизм и ересь. Именно ересь, по-другому не скажешь. Ведь человек – двухсоставное существо. Он не ангел, и он не зверь. Он и то, и то, на границе двух миров. После всеобщего воскресения мы не превратимся в ангелов, но получим своим же тела, данные нам от рождения. Отсюда

прямой вывод – тело важно, без тела нет человека. А раз так, то наша материальная часть обязательно должна быть принята в расчет. Когда тело страдает, душа не может благоденствовать.

Да, Христос, страдая, остался самим собой и во время крестных мук. И почитаемые нами мученики вместе с ним. С этим никто не будет спорить. Но как быть с кровавым молением в Гефсиманском саду? Самый стойкий просил Бога, избавить Его от чаши сей, ибо знал, как невыносимо бывает, когда страдает плоть. И это был Богочеловек. Чего тогда ждать от обычных людей?

Всегда отыщутся герои, способные преодолеть боль и скорбь ради соблюдения заповеди. Но сам факт того, что мы о них так хорошо знаем, разве он не свидетельствует об ограниченности человеческих возможностей? Была бы заповедь легка в исполнении, кто бы обращал внимание на праведника?

Историки в один голос утверждают – люди прошлого жили в условиях, в которых невозможно христианство. Они пытались, им страстно хотелось жить согласно с учением Христа, но как сохранить верность заповеди, если здесь и сейчас твой ребенок умирает от голода у тебя на руках, и другого способа спасти его, кроме как пойти к соседу и отобрать пищу у его детей?

Такое случалась сплошь и не нужно думать, что это когда-то давно, в темном средневековье. Огромный массив литературы, посвященный жизни крестьян, в том числе и российских, переполнен жутчайшими сюжетами. Как умирал один за другим дети, как портились нравы, как, остервенев, начинали воровать и насильничать. Всего-навсего сто пятьдесят лет назад. Достаточно хоть немного углубиться в зарисовки Лескова и Успенского, чтобы понять, насколько далеки были люди, выживавшие там, от нагорной проповеди. Да и как иначе? Нищета и близость болезненной смерти разрушает самые твердые намерения держаться правой стороны.

И, кстати, не нужно путать пост со средневековыми голодовками. Между ними нет ничего общего. Одно дело по доброй воле временно воздерживаться от пищи, имея при этом возможность в любой момент прекратить, и совсем иное столкнуться с неопределенностью, когда неясно, когда же ты и близкие смогут насытиться, и смогут ли вообще.

Если присмотримся к образцам религиозности, дошедшим до нас из прошлого, мы увидим, что они приспособлены к ужасу и отравлены им. В России, к примеру, человек, сочинявший духовные стихи, известные нам по материалам этнографических экспедиций, невероятно страдал. Он пел об рано умершей жене, об изнемогающих от голода детях, о своей скорой мучительной смерти, о зле, которое причинили ему окружающие, спасая свои семьи от бедствий. Слушая их, только диву даешься, как он смог не опуститься до зверя?

Что вывело нас из этого плена египетского? Человечество, подобно ветхозаветным евреям, тысячелетиями страдало, находясь во власти природы и своего неумения обращаться с материальным миром. И кто оказался Моисеем? Ученые, прежде всего. Благодаря их умам, благословленным свыше талантами, наши желудки полны еды, наши тела прикрыты от непогоды, и наша жизнь, защищенная всеобщим благополучием, проходит без боли, в тишине и безопасности.

Пусть спросят себя те, кто выступает против науки, когда последний раз он рыскал по лесу в поисках пищи? Когда последний раз он, или его отец, или его дед силой защищал добытую еду от покушения со стороны? Сколько шрамов на его теле? Сколько эпидемий он пережил? Целы ли его зубы? Сколько детей родила его жена и скольких из них он хоронил?

И выяснится, что ни разу. Да, может быть в самой ранней юности, на первом курсе вуза или техникума, бывало пару раз, что дрались непонятно из-за чего. Тогда же несколько раз недоедал, не умея заработать себе на хлеб. Но это все, больше ничего такого не было.

А теперь задумаемся – в этих условиях, когда никто и ничто не вынуждает тебя переступить через заповеди, воспитывается нравственный человек или нет? Если навык греха не сформирован, не превратились в привычку, значит и зла особого быть не может. Воровство

из зависти к достатку других, из лени, и воровство из необходимости, как естественная, нормальная и одобряемая обществом практика, как это часто бывало у диких народов – разные вещи. Первое доходит до зверства лишь в исключительных случаях, второе, напротив, орудует им без малейшего угрызения совести.

Опять некоторые скажут – доброта от сытости не есть подлинная доброта. Истинно добр тот, кто добр при любых обстоятельствах. Как только сытость сменится нуждой, доброта схлынет.

Пока человек, выросший в довольстве, приспособится к миру скудости, пока выучиться обманывать пройдет много времени. И опять же, любой культуролог скажет, что переучивание с одной материальной культуры на другую длится дольше одного поколения. Нельзя в течение жизни полностью утратить привычки и представления, привитые с детства.

В доказательство можно привести тексты Варлаама Шаламова, в которых довольно часто встречаются упоминания о людях, которые, оказавшись в невыносимых условиях после относительно благополучной жизни, соглашались умереть от голода, но не привыкать к миру насилия. И наоборот, люди, попавшие в лагерь из воровских семей, только совершенствовались во зле, становились еще безжалостней, еще циничней.

На наш взгляд, христианство только сейчас, только в наше время получает возможность быть самим собой. Когда тело в безопасности, мы можем, наконец-то, попытаться притворить в заповеди блаженства в жизнь. Раньше быть нищим духом означало мучительную смерть от унижения. Раньше подставить свою правую щеку после удара по левой означало сделать беззащитными своих близких. Раньше заповедь о бесконечно прощении оскорбляющих тебя, если последовать ей до конца, также означала насильственную смерть. Вообще, христианство в условиях глобальной войны всех против всех за еду, одежду и крышу над головой, означало умирание. Поэтому так мало ему следовали в своих поступках наши далекие предки. Теперь иначе, теперь для сознательного и ответственного христианина настало время, когда исполнение заповедей не связано с риском для жизни. В современном мире, идя вслед за Христом, можно потерять работу, разрушить карьеру, но не лишиться здоровья и не расстаться с жизнью. Ставкой в следовании вере является финансовое благополучие и комфорт. И это соразмерно человеку, с этим он может справиться. Пожертвовать жизнью чрезвычайно тяжело. Пожертвовать комфортом – трудно, но возможно, а это прямой путь к праведности.

Человек, проживший жизнь в современном городе, не будет иметь скидок на том свете. Следовать Христу – легко. Тем более в мегаполисе, где каждый сам, по своему желанию может конструировать себе среду обитания без каких-либо затруднений. Православные любят жаловаться на то, что они не знают имен своих соседей по лестничной клетке. Якобы, это плохо. А почему бы не извлечь отсюда выгоду? Меня не знают соседи? – значит, я могу устроить у себя в квартире полноценный скит, и никто мне не помешает, никто не отвлечет. Зачем преподобный Сергей Радонежский ушел в лес? Чтобы уйти от необходимости ежечасно общаться с людьми. В маленьких средневековых городах трудно было остаться наедине с самим собой. Ушел бы преподобный сейчас? Люди в больших городах и так предпочитают не знать соседей, электронные средства связи удаляют их друг от друга дальше и дальше. Зачем же забираться глубоко в леса, если желанное одиночество можно обрести в толпе? Сергей Радонежский, живи он среди нас, наверно, оставил бы родной город, но уехал не в лес, а в гигантский мегаполис с небоскребами. Азиатский, например, почему бы и нет? На одиночество большого города накладывается одиночество языковое. И работу себе можно найти именно монашеского свойства, келейную. Новые сектора экономики, возникающие чуть ли не каждые два – три года, регулярно предоставляют такую возможность.

В этом отношении крайне интересен опыт тайного пострига и тайного монашества. Появившись в советское время в ответ на гонения, тайное русское монашество выработало ряд стратегий поведения в современном мире, которые вполне пригодны к использованию и сейчас.

Например, куда устраивались работать молодые люди, принявшие постриг? Ни в коем случае не на производстве, где много людей. В лес они тоже не убегали, хотя в условиях перманентных гонений этот шаг мог показаться вполне разумным. Тайные монахи получали научные степени, причем не обязательно гуманитарные, и устраивались в научные институты. То есть они не прятались от прогресса, они использовали его самые последние достижения для устройства монашеского жительства. И тут возникает вопрос – а не было ли бегство в пустыню основателя монашества, Антония Великого, вызвано скудостью тогдашнего мира? Тот мир был беден, ограничен нуждой, полон опасностей, люди жили сплоченно, рука к руке. Наш мир разряжен, безопасен, в нем полно альтернатив. Пустыня не так уж и нужна. Достаточно выбрать подходящую специальность, снять однокомнатную квартиру в многоэтажном муравейнике где-нибудь в спальном районе и вот оно, анахоретство, о котором древние и не мечтали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.